Питирим СОРОКИН[1]

ПРИЧИНЫ ВОЙНЫ И УСЛОВИЯ МИРА*

1. Главная основа внутреннего и международного мира

Установим сначала несколько основных положений.

1. Главной причиной, или основой, внутреннего социального мира является наличие в данном обществе целостной, твердо вошедшей в жизнь системы основных ценностей и соответственных норм поведения[2]. Основные ценности различных частей и членов общества должны по существу гармонировать с этой системой и друг с другом.

2. Главной причиной, или основой, международного мира является наличие в каждом из действующих обществ целостной хорошо объединенной и усвоенной системы высших или главных ценностей и соответственных норм, причем эти системы должны быть совместимы друг с другом.

3. В данной группе общества или внутри данного общества возможность мира находится в прямой зависимости от усвоения цело-

---

[1] Сорокин Питирим Александрович (1889 — 1968) — русско-американский социолог и культуролог. П. Сорокин стоял на позициях отрицания социального монизма, отрицания социологического смысла понятия «класс», которому он противопоставил свое учение об элементарных и кумулятивных социальных группах.

Основные научные достижения творчества Сорокина касаются проблем социальной мобильности и социокультурной динамики. Он впервые ввел такие термины, как «социальное пространство», «вертикальная и горизонтальная мобильность», ставшие затем общеупотребительными. Особое внимание в своих работах П.Сорокин уделял анализу проблем «социальной стратификации», проявляющейся в существовании высших и низших слоев, образующихся за счет неравного распределения прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличия или отсутствия социальных ценностей, власти и влияния среди членов общества.

В данном номере вестника «Социология власти» представлены идеи П.Сорокина, связанные с трактовкой природы и сущности войны, а также условий прочного мира.

* Впервые опубликовано: *Сорокин П.А.* Причины войны и условия мира // Новый журнал. 1944. № 7. С. 238 — 251. Публикуется с незначительными сокращениями по: *Сорокин П.А.* Причины войны и условия мира // Социс. 1993. № 12. С. 140 — 148. Статья является сокращенным переводом докладов П.А.Сорокина для Comission to study the bases of a just and durable peace // American Historical Association; Conference on Science, philosophy and religion.

[2] Все основные ценности — религиозные, нравственно-юридические, научные, экономические, политические, эстетические — имеют свои правила поведения.

стной системы высших ценностей и их взаимной совместимости. Когда их единство, усвоение и гармония ослабевают, особенно же когда это происходит вдруг и сразу, увеличиваются шансы международной или гражданской войны.

В связи с этим необходимы некоторые пояснения. Нас интересуют высшие, а не второстепенные ценности данного общества. Как правило, они состоят из основных нравственно-юридических, религиозных, научных, экономических, политических и эстетических понятий. Это не мешает различным обществам выдвигать религиозные, или экономические, или политические ценности на первое место среди равных. Несмотря на конкретные различия от общества к обществу и от эпохи к эпохе, эти ценности в общем остаются основными.

Нас интересует не та или иная ценность, но система всех основных ценностей. Там, где основные ценности усвоены и воплощены, они составляют единую систему взаимодействия и взаимозависимости. Когда одна из основных ценностей общества становится несовместимой с некоторыми главными ценностями другого общества, вся система одного становится несовместимой с системой другого. Та или иная изолированная ценность не обуславливает мира или войны сама по себе, а вся система высших ценностей действует, как целое.

Под усвоением высших ценностей разумеется их смыслово-причинная взаимозависимость; они логически и эстетически последовательны, выражают те же идеи, принципы и нормы различными путями; в случае существенного изменения одной из них все другие также терпят изменения.

Наконец, нас интересует совместимость систем высших ценностей, а не их сходство, слитность или тождество. Системы высших ценностей могут быть различны, но это не означает несовместимости. В современном обществе граждане принадлежат к разным религиям, имеют разные вкусы и разные политические идеи, однако это разнообразие еще не ведет к гражданской войне.

Эти положения подтверждаются, положительно и отрицательно, повторяющимся единообразием исторического процесса, что существеннее подбора отдельных фактов. Начнем с отрицательных доказательств, т.е. с единообразия, с каким войны возникают или увеличиваются, когда ослабевает единство и усвоение высших ценностей и их совместимость[1]. Если ослабление происходит среди частей или

[1] Фактические данные не могут быть приведены в настоящей статье, но интересующихся ими я отсылаю к моему труду Social and Cultural Dynamics. N. Y., 1937—1941. Vol. III. Ch. 9—14; Quincy Wright A study of war. Chicago, 1942. Vol. I, II.

членов данного общества, результатом является гражданская война. Если ослабление усвоенности и гармонии касается систем ценностей различных обществ, результатом является международная война.

А. Первой группой доказательств может служить бесчисленный перечень войн, когда ранее изолированные общества с различными системами ценностей впервые вступали в прямые и постоянные сношения. Сношения реально обнаруживают несовместимость противоположных ценностей, и возникающее положение ведет к войне, что одинаково ясно наблюдается в древнее и более недавнее времена. Квинси Райт установил, что сравнительно изолированные народы имеют наименьший индекс войн (2,03), за ними идут народы средней степени общения (2,59), а высший индекс падает на народы, имеющие широкое и тесное культурное общение (2,91). Предыстория и антропология дают сотни примеров войн, возникавших при встрече двух ранее изолированных племен. Если их основные ценности были различны, этот контакт почти неизбежно вызывал вооруженные действия. То же верно относительно исторических обществ. Значительная часть войн возникала в процессе переселения, распространения или колонизации, когда одно общество впервые встречалось с другим. Контакт почти неизбежно вызывал войну, даже когда общества и не ставили себе военных целей. Такова была история Египта, Вавилона, Китая и Персии, Греции и Рима, Европы и Америки. Возникающие войны длились, пока одна сторона не уничтожалась или покорялась, и ее ценности становились совместимыми с ценностями победившей стороны. Это одинаково относится к Западу и Востоку.

Б. Это отчасти объясняет, почему быстрое распространение сношений и сообщений после XIII века сопровождалось увеличением войн на нашей планете. Новые технические средства сообщения и передвижений ставили лицом к лицу постоянно возраставшее число племен, обществ, народов и империй. Несовместимость их ценностей, таким образом, систематически возрастала. Войны увеличивались в числе до тех пор, пока в XIX веке вполне изолированные группы почти исчезли. Они все были покорены силой и поделены между великими державами. Причина войн была не в факте встречи или распространения сношений. Контакт и сношения не являются причиной дифтерита: человек может общаться с больными и оставаться здоровым, пока не получит заразы. Причиной является инфекция, а контакт лишь облегчает ее. Так и в сношениях между обществами причиной войны бывала не встреча, а несовместимость.

В. Гражданские войны возникали от быстрого и коренного изменения высших ценностей в одной части данного общества, тогда как

другая либо не принимала перемены, либо двигалась в противоположном направлении.

Фактически все гражданские войны в прошлом происходили от резкого несоответствия высших ценностей у революционеров и контрреволюционеров. От гражданских войн Египта и Персии до недавних событий в России и Испании история подтверждает справедливость этого положения.

Г. Когда глубокое изменение в системе высших ценностей происходит только в одном или нескольких обществах, связанных между собой, не затрагивая одновременно остальных, эти остальные неизбежно втягиваются в состояние войны. Иллюстрацией может служить история религий. Религиозная революция Ахенатона в древнем Египте вызвала сначала гражданскую, а затем международную войну. Распространение буддизма в Индии, возникновение христианства и его дальнейшее развитие в Европе сопровождались бесчисленными войнами. История повторялась несчетное число раз с удивительным однообразием. Если перемена происходила в области политических или политико-экономических ценностей, конфликт принимал форму политической или политико-экономической революции. Когда перемены бывали достаточно радикальны, они сопровождались «революционными войнами» с нереволюционизированными соседями. Войны кромвельской, французской, русской и нацистской революций служат типичной иллюстрацией этого единообразия. В истории было не много политических или политико-экономических революций, которые не сопровождались бы войной.

Д. Увеличение войн связано с ускорением общественно-культурных перемен в данной группе взаимодействующих обществ. Это особенно верно в отношении Запада в течение последних пяти столетий. Не ускорение, конечно, является подлинной причиной. Если оно происходит планомерно и однообразно во всех обществах, совместимость высших ценностей не нарушается, и нет причин для внутренних или внешних войн. Тому свидетельство быстрый рост перемен в Европе и Америке в течение второй половины XIX века. Опасность возникает тогда, когда не все общества меняются с одинаковой быстротой, и прежняя совместимость ценностей между ними нарушается.

Е. Империи, состоящие из крайне несхожих и враждующих народов и культур, часто затевают внешние войны с целью предупредить развитие внутренних движений, угрожающих их единству. В таких случаях несовместимость сначала обнаруживается внутри, в форме беспорядков или гражданской войны, а затем может вызвать международную войну.

Ж. То же случается с обществом вполне стойким внутренне, но существенно отличным от других обществ. Их ценности несовместимы.

Ультра-национальное государство не уважает и не терпит обычаев соседа. Обычно в таких случаях всегда следует война.

В обоих случаях внутреннее разнообразие или слитность общества не являются причиной войн per se. В зависимости от обстоятельств результаты могут быть различны.

3. Кривая войн в истории Греции, Рима и европейских стран с VI века до Рождества Христова по наше время обнаруживает непрерывный рост войн, в процентном отношении жертв к общему числу населения, в периоды радикального изменения высших ценностей в человеческом обществе. Кривые, вычисленные мной и К.Райтом, совпадают во всех основных пунктах. Не входя здесь в подробности, мы можем подвести итог европейским воинам в целом, с XII века по 1925 год. Кривая начинает медленно подниматься в XIII и XIV веках, быстрее в XV и XVI и достигает вершины в XVII, затем она слегка спускается в XVIII, еще больше в XIX, хотя и дает некоторый скачок на рубеже веков, но в XX веке она сразу вскакивает до пункта, не превзойденного за все 25 веков истории западной цивилизации.

Это вполне совпадает с высказанным выше положением. Период с конца XII и по XVII век был временем глубокого изменения европейской системы ценностей, идеократия сменялась чувственной эпохой, средневековая религиозная культура — светской. Ценности мельчали, становились относительными, теряли силу устойчивости. Несовместимость их — среди индивидуумов, групп и государств — возрастала, а с этим одновременно росло число международных и гражданских войн во всей Европе. Но с XVII века усвоение новой общей системы ценностей (светской) способствовало понижению кривой на протяжении XVIII и XIX веков. Временный скачок на рубеже этих двух столетий был ликвидацией последних остатков феодальной и идеократической эпохи. В XIX веке светская культура и общественный порядок достигли зенита, индекс войн упал до минимума. Но с началом XX века мы наблюдаем стремительную дезинтеграцию светской культуры. Все ее ценности мельчают и становятся относительными до такой степени, что ни одна уже не имеет общего признания. Брак, частная собственность, Бог — эти ценности колеблются, оспариваются, обращаются в прах. Общественная анархия достигает крайнего выражения. Нет ни одной ценности, которая связывала бы одинаково гитлеровцев и антигитлеровцев, коммунистов и капиталистов, бедных и богатых, верующих и безбожников. В результате ценности теряют сдерживающую силу. Возрастает число людей, движимых похотью, эгоизмом, биологическими побуждениями. Сила и обман становятся главными нормами поведения.

Это несоответствие ценностей вместе с огромным развитием личных, групповых и международных сношений привело неизбежно к

небывалому взрыву гражданских и внешних войн. Мы живет в самом кровавом веке за 25 веков человеческой истории.

И. Всякий раз, когда в данном обществе нравственно-юридическая разность и противоречия возрастают, количество и строгость карательных мер одной части общества по отношению к другой тоже возрастают; при прочих равных условиях, чем больше несоответствие ценностей, тем резче этот рост.

К. Наконец, высказанное выше положение подкрепляется явной недостаточностью всех прочих теорий относительно причин войны и мира. Несостоятельность множественно-причинной теории очевидна, а все другие основаны на каком-либо исключительном факторе, являясь гипотезами, опирающимися на такие величины, как экономические и политические данные, солнечные пятна, размеры и плотность населения, климат и т.п. Ни одна из них, однако, не выдерживает даже поверхностной критики. Можно взять мои и профессора Райта кривые войны и попытаться объяснить их в свете всех этих теорий. Это будет безнадежная попытка. Теории просто не отвечают фактам, а факты опровергают теории.

Положительные доказательства могут быть распределены в том же порядке, и из них мы отметим лишь три группы:

А. Во всех странах минимум войн и максимум мира падает в точности на периоды высшего объединения и усвоения основных ценностей и ее распространения на все группы и государства, находящиеся в общении. Так это было в Греции в VI и II веках, в Риме в IV веке до Р.Х. и в течение первых двух веков после Р.Х. Этим же объясняется сравнительно низкий показатель войн в Европе до XIII века, когда христианская система ценностей была единой для всей Европы. В деталях это можно проследить на истории каждой отдельной страны, и, в частности, в моей «Динамике общества и культуры» собраны данные об Англии, Франции, России, Австрии, Италии, Испании, Нидерландах и Польше-Литве.

Б. Минимум убийств и насилия также падает на периоды общего господства одной системы ценностей.

Это же в точности относится к характеру карательных мер, налагаемых одной частью общества на другую — когда ценности общепризнанны, эти меры гуманны; они становятся жестокими и кровавыми, когда ценности разлагаются и вступают в конфликт.

2. Четыре условия длительного мира

Длительный мир после этой войны возможен только в случае, если причина войны будет устранена или сильно ослаблена. Большинство предлагаемых мер, однако, не касаются подлинной причины

войны; они скорее укрепляют ее, чем ослабляют, повторяя трагическую ошибку Версаля. Все попытки установить прочный мир пока бывали безуспешны. Основные причины этой неудачи две: во-первых, объективно неблагоприятные обстоятельства; во-вторых, характер предлагавшихся мер, которые не устраняли причины войны.

Объективно неблагоприятные обстоятельства состояли прежде всего в отсутствии достаточно широкого взаимодействия и взаимозависимости между частями человечества. Человечество не представляло собой организма, в котором народы, государства и большие общества зависели друг от друга. А без постоянной взаимозависимости, без социальных, экономических, культурных и иных ценностей, связующих человечество в одно целое, невозможна была никакая международная организация. При таких обстоятельствах всякий план прочного всеобщего мира был обречен на неудачу.

Добавочным объективным препятствием к миру являлось наличие множества своих интересов в каждом государстве, народе или общественной группе. Эти интересы мощно сопротивлялись всякой общественно-культурной перестройке мира, как бы ни была необходима перестройка для установления прочного мира. Планировщики мира находились, таким образом, в положении планировщиков идеального города, которым было бы запрещено сносить, менять и даже трогать существующие здания, исправлять кривые улицы и уничтожать места заразы. Никто не способен построить здоровый и красивый город при таких условиях. В лучшем случае можно подновить или перекрасить несколько зданий, но такое «обновление» не создаст нового города.

Второй основной причиной неудачи мирных планов было несоответствие предлагавшихся мер. Большинство планировщиков обольщают себя и других верой в то, что достаточно подмалевать и переделать фасад нескольких общественных и политических учреждений, чтобы выросло величайшее здание, Храм Вечного Мира. Так пытались поступить после Первой мировой войны. Результаты известны. Повторение тех же мер, хотя бы и в новом издании, приведет не к прочному миру, а к новым войнам еще более страшным, чем нынешняя.

Для прочного и длительного мира имеется четыре необходимых условия: во-первых, основной пересмотр и переоценка большинства современных культурных ценностей; во-вторых, действительное распространение и внедрение во все государства, народы и общественные группы системы основных норм и ценностей, связующих всех без различия; в-третьих, ясное ограничение суверенности всех государств в отношении войны и мира; в-четвертых, учреждение высшей международной власти, обладающей правом обязательных и принудительных решений во всех международных конфликтах.

1. Первым важным шагом является установление целостной системы основных высших ценностей, чтобы прекратить современную умственную моральную анархию. Процесс обобщения и универсализации ценностей и соответственных норм поведения должен энергично преодолеть происходящую атомизацию и релятивизацию ценностей. Чисто материальные ценности, не подчиненные сверхчувственным, духовным ценностям, не могут быть всеобщими. Они могут только атомизироваться бесконечно. Таким образом, переоценка нынешних чувственных норм и соединение их с более духовными принципами, как конечной ценностью, становятся неизбежными. Необходим глубокий умственный и нравственный переворот, чтобы сделать господствующий дух более идеалистичным и возвышенным. Те, кому эти термины не нравятся, могут заменить их более нейтральными, как категорический императив, безусловный общественный долг и тому подобное. Когда данная норма поведения становится *обязательной* и священной, она превращается в трансцендентальную ценность, возвышающуюся над соображениями пользы и удовольствия.

2. Невозможно привести к единству все религиозные, нравственные и юридические нормы, эстетические ценности или экономические и политические организации народов разных культур. Но возможно сделать их совместимыми путем обобщения основных норм поведения.

Без организации нравственной общности прочный мир невозможен, какие бы экономические или политические реформы мы ни предпринимали. Нет таких договоров или обязательств, которые могли бы связать стороны, проникнутые цинизмом, нигилизмом, свободные от категорического императива предписанных норм и ценностей. Если не Нагорная Проповедь, выражающая высшие нравственные ценности человечества, то хоть нечто приблизительное в императивной форме: «Не делай другим того, чего себе не желаешь» и «Делай для других то, что ты желаешь, чтобы другие делали для тебя», должно быть провозглашено и должно глубоко запечатлеться в сердцах, мыслях и поведении всех людей, всех государств, народов и вождей прежде, чем длительный мир может действительно установиться.

Эти нормы могут стать общеусвоенными, если каждое человеческое общество положит их в основу своей конституции и внешних сношений, если все силы общества сосредоточатся на внушении этих норм, как правил общего поведения, начиная с дошкольного детского воспитания, с помощью семьи, школы, церквей, печати, радио и всех других доступных средств воздействия на человеческий характер и поведение. Эти принципы должны быть внедрены

так глубоко, чтобы стать священными, всеобщими, действительно связующими всех и каждого.

Не будем останавливаться на деталях, существо задачи ясно. Все проекты прочного мира, пренебрегающие ею или считающие ее второстепенной подробностью, обречены неизбежно на неудачу: они обольщают авторов несбыточной надеждой. Без этого минимума нравственной организации мир невозможен. Нельзя ожидать длительного мира между жуликами и гангстерами, какие бы договоры, пакты и конвенты они между собой ни заключали. Точно так же, вне установления указанных норм, все торжественные фразы насчет демократии и демократического мира являются пустыми или лицемерными формулами. Так называемые «демократии», лишенные этого принципа, есть не что иное, как эгоистические, развращенные, хищнические политические машины, не лучше любой тиранической автократии. Если «практические» люди возразят, что внедрение таких нравственных норм невозможно, и если мы согласимся с ними (хотя, конечно, они неправы), то это означает только, что длительный, справедливый и демократический мир вообще недостижим. История и жизнь не дают нам иного выбора.

3. Третьим непременным условием длительного мира является ограничение суверенности всех государств в вопросах, касающихся войны. Правительства всех государств должны быть ясно лишены права объявлять войну на том же основании, на каком этого права лишены торговые палаты, университеты и иные общественные учреждения. Пока будут существовать государства суверенные в эти вопросах, с их более чем несовершенными правительствами, войны неизбежны. Тем более это верно в отношении современных государств-левиафанов с их бездарными, часто циничными, еще чаще эгоистичными и, как правило, близорукими правительствами. Несмотря на все Священные союзы, Тройственные союзы, Четверные союзы, равновесие Великих держав, антанты, паназиатские и панамериканские союзы, войны не исчезли и даже не ослабели в числе. Несмотря на недавнюю Лигу Наций, Гаагский международный трибунал и многочисленные международные конференции и пакты с целью устранить войну, устранить ее не удалось. Наоборот, Лига Наций, конференции и пакты закончились самой страшной войной в истории человечества. Если государства-левиафаны останутся суверенными, а их правительства будут иметь свободу решать вопросы войны и мира, возобновление подобных попыток не принесет прочного мира человечеству. Такие чудеса не случаются, особенно в наше циничное и нигилистическое время.

Если кто-нибудь снова заметит, что такое явное ограничение государственной суверенности невозможно, и если это, действительно,

верно, то это будет означать только, что прочный и длительный мир вообще невозможен, и, стало быть, не стоит обольщать себя и других безнадежными попытками. Если мы желаем мира, то суверенные права всех государств в этих вопросах должны быть уничтожены.

4. Четвертым непременным условием прочного и длительного мира является создание настоящей, работоспособной и могущественной международной власти, располагающей правом решать все внешние конфликты между государствами и силой, необходимой для проведения решений в жизнь. Этот международный организм один должен обладать суверенным правом в вопросах войны и мира, причем его решения должны быть окончательны (они могут быть пересмотрены только им самим); в основе их должны лежать вышеуказанные нормы. Война должна быть либо вовсе уничтожена, либо сведена к карательной мере против насильников в редких случаях и в ограниченных размерах, с упразднением наиболее разрушительных и бесчеловечных орудий войны.

Подробности технической организации и задач такого международного учреждения выходят за пределы этой статьи. Однако одно следует отметить. Такой международный орган должен состоять не только из представителей государств, как это бывало прежде в разных союзах и в Лиге Наций, но также из представителей главных религиозных организаций, науки, искусств, земледелия, промышленного труда и хозяйства. Одним из главных недостатков всех прежних объединений и Лиги Наций было то, что они представляли собой только политические группы. Государство не является единственной важной общественной организацией. Рядом с ним существуют не менее важные — а с точки зрения творчества, даже более важные — организации: религиозные, научные, художественные, экономические, бытовые. Они содействовали прогрессу человечества не меньше, а пожалуй, больше, нежели государства. Государства, монополизировавшие дело войны, гораздо более склонны к воинственности. Творческие ценности религии, науки, искусства, промышленности и семьи значительно миролюбивее, нежели интересы государств и их несовершенных правительств. С другой стороны, влияние и власть этих организаций огромны. Присутствие их представителей среди полноправных членов великого международного органа подняло бы на чрезвычайную высоту его общественный, научный, нравственный и правовой престиж. В этой форме он, действительно, мог бы стать выражением человеческой мудрости, Верховным Судом человеческой справедливости.

Однако большинство существующих планов ограничивает состав международного органа представителями государств. Этот решительный недостаток должен быть исправлен. Иначе сверхгосудар-

ственный Левиафан новой Лиги Наций будет обладать всеми старыми пороками государственного эгоизма и повторит все неудачи прежней Лиги Наций.

Если кто-нибудь опять возразит, что подобный международный орган невозможно создать, единственный ответ на это тот, что длительный мир, значит, тоже невозможен.

3. Осуществим ли предлагаемый план?

В прошлом — по причинам, указанным выше, — планы прочного мира, основанные на четырех намеченных здесь условиях, никак не могли быть осуществлены. Даже в настоящее время, если бы мир не корчился в судорогах войн, голода, эпидемий и революций, если бы человечество не переживало величайшего кризиса в истории, подобный план показался бы утопичным и не мог бы рассчитывать на осуществление. Однако происходящая катастрофа создала совершенно иное положение. Если мы серьезно желаем прочного мира, задача находится в пределах достижимости.

Во-первых, человечество уже связано в одно целое множеством общественных, культурных, экономических, технических и политических уз. Всякое изменение в одной части огромного человеческого общества существенно затрагивает остальные. Время изоляционизма, в широком смысле, кончилось безвозвратно. Мы живем и действуем, действительно, в едином мире. Независимо от наших желаний, невозможно установить прочный мир в одной стране, если он не установлен одновременно во всем мире. Невозможно построить счастливую, мудрую и благополучную жизнь, изолировав себя от остального человечества. Это означает, что база для всеобщего длительного мира существует, и что длительный мир возможен только на этой всеобщей базе. Местные решения более невозможны.

Точно также и второе главное препятствие — сопротивление местных государственных и групповых интересов — можно считать значительно ослабевшим. Вряд ли еще есть для государств основание возражать против ограничения их суверенности, раз суверенность большинства из них уже сведена к нулю, о чем свидетельствует тот факт, что на протяжении последних десятилетий государства возникали и исчезали, как мыльные пузыри. Нет оснований для государств настаивать на их старых границах, потому что границы уже стерты и в большинстве случаев восстановление их невозможно. В течение последних десятилетий политические границы беспрестанно менялись, стали окончательно текучими, непрочными и неясными. Большинства правительств, существовавших до Первой мировой войны, уже нет, и большинство правительств, действовавших

до 1939 года, ныне просто беженцы, в то время как оставшиеся, включая диктаторов, сменятся в течение ближайших лет, самое большее, ближайших одного или двух десятилетий. Прежние политические мечты стали слабым воспоминанием об ушедшем прошлом. Надежды восстановить эти вечно меняющиеся и взаимно враждебные правительства совершенно беспочвенны. Ни одна великая революция не восстанавливает старых правительств и старой аристократии, они отправляются в отставку навеки. А современный кризис является величайшей из всех известных нам революций.

Даже высшие классы недавних и нынешних обществ не имеют серьезных оснований возражать против великой перемены. Их положение стало непрочным. С 1914 года в большинстве западных и восточных стран две или три волны разной «аристократии» уже сменили друг друга. Каждая новая волна этих «калифов на час» быстро уступала место другой, которая, в свою очередь, тоже исчезала. Ни одна из этих «аристократий» не может рассчитывать на возвращение к своему прежнему кратковременному величию. При наличных условиях они не имеют ни силы противостоять великой реформе, ни достаточно властного стимула к сопротивлению.

Другие зажиточные, профессиональные и средние классы ныне разорены или почти разорены существующими условиями войны и анархии. Они ничего не потеряют от великой реформы, за исключением унижений, нужды и страданий. Огромному же большинству населения во всех странах нынешние войны между суверенными государствами ничего не дали, кроме несчастья, горя и гибели. В основе несчастий лежит анархия, созданная множеством суверенных государств, и огромное большинство человечества ничуть не заинтересовано в ее продолжении, сулящем бесконечную серию новых катастроф. Наконец, все люди с элементарным нравственным чувством и чувством общественной ответственности могут жить только надеждой на упразднение анархической системы, являющейся источником величайшей заразы.

Таким образом, за исключением ничтожного числа человеческих хищников, ни государства, как государства, ни их бывшие и нынешние правительства, ни народы не могут извлечь никакой выгоды из нынешнего положения, не могут сохранить свои интересы в неприкосновенности, надеяться на возвращение статус-кво или на создание новой счастливой жизни на старых основаниях. Все они находятся ныне посреди развалин не только своего личного благополучия, но и всего общественного, культурного, политического и экономического здания прошлого. Реставрация развалин в прежнем виде невозможна, а попытка лишь слегка подновить их приведет только к повторению прежних катастроф. Суверенные государства, сыграв-

шие огромную положительную роль в прошлом, стали источником гибели.

Когда старый город разрушен, мудрые строители не занимаются восстановлением поверженных зданий с их прежними недостатками и неудобствами. Они пытаются построить новый город без дефектов старого, с учетом требований пользы, здоровья и красоты. Их не должны останавливать частные интересы. Нашему поколению и следующему за нами придется жить среди развалин старого общественно-культурного порядка. Мы должны построить новое общество, свободное от угрозы войны, насколько это в пределах человеческих возможностей. Частные интересы прошлого, потрясенные или сметенные катастрофой, не могут успешно препятствовать нашим планам. История предоставляет нам исключительный случай свободы от реакционных влияний и давлений. То, что в прошлом было недостижимо, казалось утопическим, в нынешних условиях становится не невозможным. С мудростью, мужеством и верой, во славу Божию и в прославление человека, мы можем наконец приступить к постройке Храма Вечного Мира.